

— ДО —
ПОСЛЕДНЕГО
ВЗДОХА

— АНАСТАСИЯ ЧЕХОВА —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Чехова

До последнего вздоха

«Автор»

2026

Чехова А.

До последнего вздоха / А. Чехова — «Автор», 2026

Я слишком долго думала, что человек врёт из страха. Потом поняла — чаще всего он врёт из удобства. Себе прежде всего. Мы называем это выживанием, осторожностью, здравым смыслом. Мы говорим: я справлюсь, я держу, это под контролем. И в какой-то момент перестаём замечать, как эти слова становятся глухой стеной между нами и правдой. Никто не толкает нас в ад. Мы спускаемся туда сами — шаг за шагом, уговаривая себя, что просто идём глубже, чтобы лучше разобраться. Что ещё не поздно. Что мы всё ещё видим. Но есть момент, когда ты понимаешь: ты уже давно не смотришь — ты веришь. И именно в этот момент зрение исчезает.

© Чехова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава: Тонкая корка льда.	6
Глава: Я задержусь.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

До последнего вздоха

Дисклеймер

Дорогой читатель.

Эта книга затрагивает тяжёлые темы, которые могут оказаться эмоционально сложными: зависимость, психические расстройства, суицидальные мысли, передозировку, медицинские вмешательства, травму, эмоциональное насилие, утрату, смерть и переживание горя.

Все описанные события являются художественным вымыслом. Несмотря на то, что при работе над романом использовались материалы о психологии зависимости, особенностях медицинской помощи и системе здравоохранения, книга **не является медицинским пособием, психологическим руководством или инструкцией**. Некоторые детали могли быть изменены в художественных целях.

Эта история не романтизирует зависимость, саморазрушение или насилие. Напротив, она показывает их разрушительное влияние не только на самого человека, но и на тех, кто любит его.

Если темы, связанные с психическим здоровьем, зависимостью или самоубийством, могут быть для вас болезненными, пожалуйста, позаботьтесь о себе и оцените свою готовность к прочтению этой истории.

И самое важное.

Если во время чтения вы узнали в героях себя или своего близкого человека, помните: **просить о помощи — не слабость**. Помощь существует, и обращаться за ней — нормально.

Берегите себя.

Глава: Тонкая корка льда.

Человек редко врёт другим так часто, как самому себе.

В нашем центре это особенно видно. Здесь почти все учатся говорить правильно — подбирать слова, которые звучат как раскаяние, надежда, спасение. Они кивают в нужных местах, опускают глаза ровно тогда, когда от них этого ждут. Голоса спокойные, приглушённые, почти убаюкивающие. Но я уже научилась слышать, как под этим показным спокойствием трещит тонкая корка льда.

Почти каждый из них хочет верить, что всё ещё держит ситуацию под контролем. А я вижу, как это самое «под контролем» расходится по швам, будто старая ткань, натянутая слишком туго. Как дрожат пальцы, когда они берут бумажный стаканчик с водой. Как взгляд уходит в сторону, стоит задать вопрос хоть на полтона глубже, чем им комфортно.

Они двигаются медленно. Почти незаметно. Но всегда — в одном направлении.

Самое страшное — даже не падение. К падению многие оказываются готовы. Самое страшное — момент, когда человек перестаёт бояться. Когда ложь становится удобной, тёплой, как старое одеяло, а правда — слишком холодной, чтобы к ней прикоснуться голыми руками. Назад возвращаются не все. Некоторые просто учатся падать изящнее — так, чтобы со стороны это почти можно было принять за полёт.

Эта мысль всё ещё крутилась у меня в голове, пока я стояла перед мутноватым зеркалом в раздевалке. Свет здесь всегда был беспощадный — бледный, офисный, превращающий кожу в бумагу. Светло-русые волосы послушно собрались в высокий хвост, но несколько прядей тут же выбились. Я заправила их за ухо и машинально провела пальцами по проколотому крылу носа. Металл был холодным, почти ледяным. Неплохое напоминание о том, что я всё ещё чувствую.

Поправив клетчатую красную рубашку — ткань на локтях уже заметно выцвела, — я вышла в коридор. Утренний центр пах привычно: кофе, антисептиком, старой бумагой и едва уловимой горечью табака, впитавшегося в стены после вчерашних перекуров. Тишина здесь тоже была особенной — густой, влажной, как туман над заливом.

Я подошла к кофемашине и нажала кнопку. Аппарат заурчал низко, басовито. Горячий пар ударил в лицо запахом пережаренной обжарки. Я на секунду прикрыла глаза и прислонилась лбом к тёплому металлу. Тепло медленно растекалось по коже, разгоняя остатки утреннего озноба, который всегда жил где-то под рёбрами.

Резкий сигнал заставил меня вздрогнуть. Я взяла стаканчик, обожгла пальцы и тихо выругалась сквозь зубы. Кофе был терпким, почти злым. Именно таким, как я любила.

В кабинете всё ещё стояла тишина — мои любимые часы, до того как начнут приходить они. Те, кто будет рассказывать, сколько дней держится, сколько собраний посетил, как сильно изменилась его жизнь. Кто-то действительно пытается, цепляясь ногтями за любой шанс. Кто-то просто научился говорить именно то, что от него хотят услышать. Я давно перестала обесценивать и первых, и вторых. Но и верить каждому слову — тоже перестала.

Сев за стол, я включила старый компьютер. Он загудел натужно, как больной человек, которого снова подняли с постели раньше времени. Передо мной лежали стопки анкет — чужие жизни, разложенные по аккуратным строкам. Возраст. Стаж. Семейное положение. «Что привело вас сюда». Большинство пишут одинаково: «стресс», «проблемы в семье», «потеря контроля». Редко кто пишет правду. Например: «Мне страшно оставаться наедине с собой».

Тишина начала растворяться. В коридоре хлопнула дверь, потом ещё одна. Послышались шаги, приглушённые голоса, кашель, шорох курток. Я сделала ещё глоток кофе и почувствовала, как привычная тяжесть снова ложится на плечи — медленно, уверенно, будто давно знала своё место.

Группы сменяли друг друга. От кого-то тянуло вчерашним перегаром — кислым, ввевшимся в кожу так глубоко, что его уже не перебивали ни жвачка, ни дезодорант. От девушек — сладкой химией дешёвых духов, смешанной с мятой. Этот запах всегда казался мне особенно печальным: отчаянная попытка замаскировать то, что всё равно проступает наружу.

После обеда внутри начала собираться знакомая тяжесть — тупая, вязкая. Я потянулась к рюкзаку за сигаретами и направилась к выходу. Хотелось хотя бы пять минут настоящей тишины. Без исповедей, без чужих срывов, без необходимости быть устойчивее, чем чувствуешь себя на самом деле.

У входа дверь резко распахнулась, едва не сбив меня с ног. Я отшатнулась, но сильная ладонь тут же сжала моё предплечье, удерживая от падения. Хватка была твёрдой, уверенной, но не грубой. Тепло чужой кожи почувствовалось даже сквозь ткань рубашки.

— Извиняюсь, — произнёс низкий, чуть хрипловатый голос.

Я подняла глаза.

Он стоял слишком близко. Высокий, под метр восемьдесят пять. Под чёрной толстовкой угадывались широкие плечи. Тёмно-красные, почти бордовые волосы слегка растрёпаны, будто он только что стянул капюшон. Светло-синие глаза — холодные, прозрачные, как вода в Пьюджет-Саунд в феврале. На левой брови тонкий старый шрам. Ещё один — над верхней губой, а в левом ухе серебряная серьга.

Он выглядел здесь неуместно. Не как человек, который приходит просить помощи. Скорее как тот, кто привык решать проблемы иначе. Быстрее. Жёстче.

— Подскажите, где сейчас собрание по алкогольной зависимости?

На секунду мне захотелось сказать, что он ошибся адресом. Что такие, как он, либо не доходят до наших дверей, либо разворачиваются раньше, чем признают, зачем пришли. Но вместо этого я просто ответила:

— Тринадцатая аудитория. Прямо по коридору и направо.

Он коротко кивнул. Ни улыбки, ни «спасибо». Просто развернулся и быстро пошёл — движения точные, экономные, без суеты.

Я осталась стоять, глядя ему вслед. Постучала сигаретой по подушечкам пальцев и едва заметно хмыкнула. «Интересно».

На улице меня обдало прохладным влажным воздухом после дождя. Пахло озоном, мокрым асфальтом и лёгкой солоноватой горечью залива. Сиэтл был в своём обычном настроении — сером, усталом. Я любила такую погоду. В ней не было необходимости притворяться солнечной.

Я щёлкнула Zipro. Огонь коротко лизнул кончик сигареты. Дым наполнил лёгкие тёплой горьковатой волной, и никотин мягко ударил в голову, на пару секунд выравнивая внутренний шум.

«Он не похож на наших».

Слишком прямой взгляд. Слишком ровная осанка. Люди, которые действительно тонут, обычно приходят иначе — с опущенными плечами, дёргаными жестами, глазами, полными стыда или усталого отчаяния. А этот выглядел так, будто пришёл выполнять задачу. Собрание — не попытка спастись, а ещё один пункт в списке контроля.

Я затушила окурочку и ещё секунду смотрела, как тонкая струйка дыма растворяется в сером воздухе, а потом потянула на себя тяжёлую дверь.

Тепло коридора накрыло сразу — вязкое, пропитанное старым линолеумом и чем-то аптечным. Мои шаги глухо отдавались эхом. Проходя мимо стойки, я заметила миссис Спаркс. Как всегда на своём месте — массивная, в цветастой лиловой блузке с мелкими белыми цветами. Она сидела, ссутулившись над журналами, и от неё неизменно веяло лавандой и чем-то домашним. Наверное, это был единственный человек в центре, к которому я испытывала что-то ровное и тёплое, без внутренней дистанции.

Она помогла мне освоиться здесь в первые недели, когда я сама ещё вздрагивала от каждого чужого срыва. Не лезла в душу — просто однажды поставила передо мной кружку чая и сказала: «Не пытайся спасти всех. Сначала научись не тонуть рядом».

— Дорогая, подойди, распишись, — позвала она, не поднимая головы. Голос густой, тягучий, с мягкой хрипотцой.

— Что там? — спросила я, подходя.

— За группу послезавтра.

— Так быстро летит неделя... Кто у меня?

Я взяла ручку и наклонилась над журналом. От стойки тянуло пылью, ванильным кремом для рук и чем-то пряным. Желудок отозвался слабым спазмом — кроме кофе и сигарет, с утра во мне ничего не было.

Миссис Спаркс подвинула очки выше и повела по строчкам длинным ногтем.

— Та-ак... Твои любимые. Алкогольная группа.

Я медленно выдохнула.

— Класс.

С ними всегда было сложнее всего. Алкоголь редко делает из человека карикатурного монстра сразу. Сначала он просто становится частью быта. Наградой за тяжёлый день. Способом расслабиться, заснуть, не думать, не помнить. Потом — единственным способом выдерживать самого себя. И вот человек всё ещё ходит на работу, платит счета, а внутри уже медленно сгнило. Не громко. Почти незаметно.

— Я вчера пирог с мясом пекла, — сказала миссис Спаркс, закрывая журнал. — Иди перекуси, пока не свалилась. Где у тебя энергия берётся? Кофе, сигареты и упрямство?

Я невольно улыбнулась.

— Последнее в основном.

— Я серьёзно.

— Хорошо. Зайду.

Спорить с ней было бесполезно. Да и не хотелось.

Я пошла дальше по коридору. Под подошвами тихо поскрипывал линолеум. Мимо открытой двери тринадцатой аудитории доносились голоса. Один — ровный, убаюкивающий, ведущего. Другие — тише, с паузами, с нервным кашлем. Я замедлила шаг почти бессознательно.

И услышала его.

— ...три недели, — сказал он спокойно. — Этого достаточно для отчёта?

Внутри кто-то негромко усмехнулся. Ведущий произнёс что-то примирительное, но я уже не разобрала слов.

Я остановилась. Голос был тот же: собранный, ровный, без попытки понравиться. Но теперь в нём проступило глухое раздражение того, кто вынужден находиться там, где быть не хочет.

— Мы здесь не ради отчёта, — мягко сказал ведущий.

— Разве?

Всего одно слово. Но в нём было столько холодной насмешки, что по спине пробежал озноб. Слишком контролируемое. Как если бы человек не сопротивлялся ситуации — а просто стоял в стороне, уже заранее зная, чем всё закончится.

Я пошла дальше, прежде чем кто-то заметил бы мою тень в проёме.

В кабинете всё было как всегда: анкеты, степлер, кружка с засохшим кофейным следом, блокнот с загнутым углом. Старый компьютер всё ещё гудел. Обычный день. Бумаги, подписи, чужие попытки удержаться на плаву ещё хотя бы сутки.

Я села в кресло и потянулась к следующей анкете, но перед глазами снова возникли светло-синие глаза — слишком прямой взгляд и сухое: «Этого достаточно для отчёта?»

Может, я просто устала и выискивала трещины там, где их нет. Профессиональная деформация. А может, я узнала это слишком быстро, потому что уже видела раньше. Не у зависимых — у людей, которые держатся не потому, что хотят жить, а потому что пока ещё не разрешили себе рухнуть.

Я открыла анкету, но не прочла ни строчки.

За стеной кто-то заговорил, стул резко царапнул пол, и по коридору прокатился глухой шум. Центр жил своей привычной жизнью — дышал, скрипел, лгал, надеялся. Всё было как всегда.

Глава: Я задержусь.

Грохот грозы и резкий удар ливня по стеклу разбудили меня быстрее любого будильника.

Я резко села на кровати, ещё не до конца понимая, где нахожусь. Сердце билось слишком быстро, будто организм уже решил, что случилось что-то плохое, а сознание просто не успело догнать. Футболка прилипла к спине влажной холодеющей тканью, волосы спутались на затылке в тяжёлый ком, и на секунду мне показалось, что в комнате стало меньше воздуха.

За окном небо рвалось вспышками. Белый свет на мгновение выхватывал из темноты подоконник, край шкафа, разбросанную на стуле одежду, а потом всё снова проваливалось в густой предрассветный сумрак. Дождь хлестал так, будто хотел не просто достучаться до дома, а продавить его насквозь.

Я повернула голову к столу у окна и сразу увидела тонкую неровную лужицу, расплзшуюся по светлому дереву. В открытое окно вбивались косые струи дождя, вместе с ними в комнату тянуло мокрым асфальтом, сыростью и тем особенным металлическим запахом грозы, от которого кожа всегда невольно напрягалась.

— Чёрт, — тихо выдохнула я, вскакивая с кровати.

Пол под босыми ногами оказался холодным. Я быстро захлопнула окно, дёрнув раму на себя, и стекло тут же задрожало под новым ударом ветра. На подоконнике остались капли, на столе — влажные полукруги, а несколько листов у самого края уже успели скрутиться по углам.

Я провела ладонью по лицу, пытаюсь окончательно проснуться, и только тогда заметила, насколько в квартире тихо.

Не ночная, привычная тишина, в которой просто спят.

Другая.

Настороженная. Пустая. Такая, в которой слишком хорошо слышно, что кого-то нет дома.

Я вышла из комнаты. Коридор встретил меня прохладой и сероватым светом, просачивающимся из кухни. За стенами всё гремело, дрожало, стекало вниз по водосточным трубам. Дом будто сжался в себе, переживая непогоду.

На ходу я заглянула в комнату сестры.

Кровать была аккуратно застелена. Слишком аккуратно. Настолько, что сразу становилось ясно: она не просто встала раньше меня — она вообще туда не ложилась.

Я замерла в дверях на секунду дольше.

Потом нахмурилась и пошла в ванную. Там пахло стиральным порошком, влажными полотенцами и чем-то мятным — остатком вчерашнего шампуня. Я схватила тряпку и вернулась в комнату вытирать стол, пока вода не добралась до бумаг.

Тряпка быстро стала ледяной и тяжёлой. Дерево под ладонью было влажным, гладким, неприятно скользким. Я осторожно подняла листы, переложила блокнот, смахнула капли с телефона и только потом взяла его в руки.

Одно сообщение.

От Алин.

«Я задержусь не теряй»

Сообщение пришло четыре часа назад. В конце — этот её идиотский язвительный смайлик, как будто всё происходящее должно было выглядеть мило, если правильно оформить.

Я смотрела на экран несколько секунд, чувствуя, как внутри медленно поднимается раздражение — не резкое, а вязкое, тяжёлое. Из тех чувств, которые не вспыхивают сразу, а накапливаются, как вода в раковине с плохо уходящим сливом.

Набирая её номер, я уже знала, что начну не с тревоги.

С упрёка.

Пока шли гудки, я машинально потянулась к пачке сигарет, лежавшей на тумбочке рядом с кроватью. Пальцы быстро вытащили одну, привычно, почти без участия сознания. Щёлкнула зажигалка. Огонёк на секунду дрогнул от сквозняка, потом сигарета вспыхнула на кончике тёплым оранжевым кругом.

— Ты мне не подскажешь, почему тебя до сих пор нет дома? — спросила я, как только она ответила.

Мой голос уже с утра звучал жёстче, чем хотелось. Сухо. Устало. Так, будто этот разговор длился не десять секунд, а несколько лет.

Я сделала затяжку. Горький дым обжёт горло и немного выровнял внутренний ритм.

— Кира-а, — протянула она моё имя с той пьяной певучестью, от которой у меня сразу свело челюсть. — Ну прости. Меня тут задержали.

На заднем плане гремела музыка, кто-то смеялся слишком громко, кто-то что-то выкрикивал. Жизнь, в которой пять утра вообще не выглядели проблемой.

— Алин, сейчас пять утра, — я подошла к окну и отвела край шторы, глядя на размытую дождём улицу. — Тебя нет дома. Ты серьёзно сейчас?

— Скоро буду, — отозвалась она уже раздражённое, будто это я усложняла ей жизнь, а не наоборот.

И сбросила звонок.

Я медленно отвела телефон от уха и несколько секунд просто смотрела на потухший экран.

— Конечно, — пробормотала я.

За окном снова полоснула молния. Комната на миг стала почти белой, а потом всё вернулось в серый полумрак. Я затушила окурок в пепельнице, полной вчерашнего пепла, и устало прикрыла глаза.

Иногда мне казалось, что люди, которых любишь, хуже всего понимают простую вещь: тревога — это не контроль. Не жажда власти. Не желание командовать.

Это просто форма бессилия.

Когда ты не можешь прожить за человека его ошибки, не можешь силой вернуть его домой, не можешь даже убедиться, что с ним всё в порядке, — тебе остаётся только злиться. Злость вообще часто оказывается самой удобной одеждой для страха. Она плотнее. Практичнее. В ней не так стыдно стоять перед собой.

Я слишком хорошо знала, как выглядит чужое падение.

И, наверное, именно поэтому начинала нервничать раньше, чем случалось что-то настоящего плохого.

На работе я каждый день видела, как всё начинается не с катастрофы. Не с дна. Не с укола, не с бутылки, не с полицейского протокола и не с разбитого лица в ванной.

Всё начинается с мелочи.

С фразы «я задержусь».

С интонации, в которой уже слышно чужое право не объясняться.

С уверенности, что один раз — не считается.

С лёгкой лжи, которую произносят почти без внутреннего сопротивления, потому что сами ещё не решили, что это уже ложь.

Саморазрушение редко приходит с парадного входа. Обычно оно сначала разувается в прихожей, привыкает к квартире, учится говорить твоим голосом и только потом становится частью твоего быта. И хуже всего то, что близкие замечают это не сразу.

Не потому что слепые.

Потому что любовь вообще плохо сочетается с объективностью. Она всё время пытается отредактировать реальность до терпимой версии. Сгладить углы. Найти объяснение. Подождать ещё немного. Поверить в ещё одно обещание.

Я знала это. Знала слишком хорошо. И всё равно каждый раз попадалась на один и тот же крючок: а вдруг именно сейчас человек не врёт?

— Лучше бы она осталась у родителей, чем трепала мне нервы, — сказала я в пустоту квартиры, хотя сама понимала, что это не совсем правда.

Если бы Алин осталась там, я бы всё равно не спала спокойно. Просто тревожилась бы уже на расстоянии.

Я пошла в душ.

Ванная быстро наполнилась паром. Горячая вода ударила по плечам, побежала по позвоночнику, смывая липкий холод пробуждения, остатки сна и ту неприятную ломкую тревогу, которая успела поселиться под рёбрами. Я упёрлась ладонью в кафель и закрыла глаза.

Плитка была прохладной. Вода — почти обжигающей. Этот контраст всегда возвращал меня в тело, когда мысли начинали расплзаться слишком далеко.

Но сегодня они не замолкали.

Ни на секунду.

Я же с самого начала знала, что это была плохая идея.

Позвать её к себе. Поверить, что она правда станет осторожнее. Взрослее. Ответственнее.

Я слишком хорошо помнила, как Алин стояла тогда на кухне, с этими своими огромными глазами, в которых всегда было чуть больше беспомощности, чем нужно для честного разговора. Как обещала, что всё изменится. Что она найдёт работу. Что не будет создавать проблем. Что я даже не замечу, как мы хорошо уживёмся.

Люди вообще очень красиво говорят, когда им что-то нужно. Особенно с теми, кто и так склонен уступить.

Я медленно провела свободной рукой по мокрому лицу. Вода стекала по ресницам, по губам. Дышать в густом пару было тяжело, но приятно — будто он глушил внешний мир.

Самое унижительное, наверное, было даже не в том, что мне врут. А в том, что я распознаю ложь у чужих быстрее, чем у своих.

С посторонними всё проще. Между вами есть дистанция — а значит, и обзор лучше. Ты слышишь интонации, замечаешь сбои, понимаешь, где слова не сходятся со взглядом. Ты не обязан защищать их образ в собственной голове.

С близкими всё иначе.

Там всегда вмешивается надежда.

Надежда — вообще странная вещь. Её часто считают чем-то светлым, почти благородным. Но на деле она бывает довольно жестокой. Именно она заставляет раз за разом оставаться там, где давно стоило поставить точку. Именно она шепчет: подожди ещё немного, сейчас всё будет иначе.

Надежда умеет продлевать агонию лучше любого страха.

Я стояла под водой, ощущая, как напряжение медленно собирается в затылке. Внутри было мерзкое чувство узнавания — будто ситуация с Алин трогала не только сегодняшний рассвет, но и что-то гораздо старше, глубже.

Мне всегда казалось, что быть нужной — почти то же самое, что быть любимой.

Не вслух, конечно. Не в той форме, которую легко признать.

Но где-то очень глубоко я жила именно так.

Если я полезна — меня оставят рядом. Если я выдерживаю — на меня можно опереться. Если я вовремя подхватываю чужой хаос, значит, моё присутствие оправдано.

Плохая логика. Опасная.

Потому что однажды начинаешь путать заботу с обязанностью, близость — с функцией, а любовь — с постоянной готовностью спасать.

И тогда любой человек, который тонет, начинает казаться тебе почти личным вызовом.

Я резко выключила воду.

Тишина после душа всегда наступала слишком внезапно. Только что всё гудело, шипело, било по коже — и вот уже слышно, как по трубам уходит вода, как капли срываются с локтей на дно ванны, как за окном всё ещё грохочет гроза.

Я обмоталась полотенцем и посмотрела на своё отражение в запотевшем зеркале. Лицо было бледным, волосы тяжёлыми и тёмными от влаги, под глазами снова проступили следы недосыпа. Я провела ладонью по стеклу, стирая мутную полоску пара.

Иногда я думала, что усталость — это не отсутствие сил. Это избыток всего чужого внутри.

Чужих голосов, признаний и провалов. Чужих обещаний, которые ты почему-то тоже запоминаешь, хотя не обязан. Они оседают где-то в тебе, как пыль в лёгких, и в какой-то момент начинаешь дышать тяжелее, даже если внешне всё в порядке.

Я вернулась в комнату, надела чистую футболку и тёплые домашние штаны. Гроза не утихла. В сером свете раннего утра квартира выглядела ещё более пустой, чем обычно: кружка на кухонном столе, брошенная на спинку стула кофта Алин, её открытый бальзам для губ у зеркала в прихожей. Следы человека, который вроде бы живёт рядом, но всё время ускользает из пространства, как вода сквозь пальцы.

На кухне я поставила чайник.

Газ щёлкнул, потом загорелся ровным синим кольцом. Мне нравились такие мелочи — предсказуемые, послушные. Мир, в котором хотя бы что-то срабатывает именно так, как должно.

Пока вода грелась, я стояла у окна, скрестив руки на груди, и смотрела, как по стеклу бегут косые струи дождя. Двор внизу был почти пустой. Только один фонарь всё ещё горел, размываясь в воде жёлтым пятном.

И почему-то именно сейчас я снова вспомнила вчерашний день.

Центр.

Запах антисептика и кофе.

Тринадцатую аудиторию.

И его голос.

«Этого достаточно для отчёта?»

Я поморщилась, сама не понимая почему.

Наверное, потому что такие интонации цепляются. Люди тоже иногда оставляют после себя не впечатление даже, а напряжение — как если бы в комнате после них менялось давление. Ты ещё занят своими делами, но уже чувствуешь: что-то сдвинулось. Едва заметно. Почти нелепо. И всё же достаточно, чтобы потом вспоминать чужие глаза в пять утра, стоя на кухне с мокрыми волосами и чужой тревогой под кожей.

Меня раздражало, что я вообще думаю о нём. Скорее всего, обычный сложный новичок. Один из тех, кто приходит не за помощью, а чтобы от него отстали. Таких хватает. Закрытые, колючие, напряжённые. Люди, у которых контроль давно стал не качеством характера, а единственным способом не рассыпаться на части.

Но в нём было что-то ещё.

Не боль — боль я узнаю быстро.

Не стыд — его тоже.

Скорее ощущение, что человек всё время живёт в режиме внутренней обороны. Будто даже молчание у него — не пауза, а оружие.

Чайник начал шуметь. Я моргнула и отвернулась от окна.

В этот момент в замке наконец повернулся ключ.

Я застыла.

Дверь открылась, впуская внутрь сырой воздух подъезда, запах дешёвого сладкого парфюма, сигаретного дыма и ночной улицы. Алин вошла тихо, почти на цыпочках, как будто ещё можно было сделать вид, что её отсутствие мне почудилось.

Я медленно поставила кружку на стол.

— Доброе утро, — сказала я.

И по тому, как она замерла в прихожей, сразу стало ясно: ни для одной из нас это утро добрым не будет.

— Кира, прости, — сказала она почти тонким, ломким голосом, поднимая брови домиком с таким знакомым выражением раскаяния, что меня едва не передёрнуло.

Слишком знакомым.

Этот взгляд она освоила ещё в детстве — вместе с привычкой сжимать плечи, чуть поджимать губы и делать паузу ровно в том месте, где у другого человека должна проснуться жалость. Когда-то это работало безотказно: на родителях, на учителях, на соседях, на мне. Особенно на мне. В её исполнении виноватость всегда выглядела убедительно, потому что почти никогда не имела отношения к вине. Это был не стыд. Это была техника.

Я медленно провела ладонями по лицу, стирая остатки сна, раздражения и бессмысленной надежды на то, что хотя бы сегодня всё пойдёт иначе. Кожа после душа всё ещё была тёплой, но внутри поднимался знакомый сухой жар. Сколько раз я уже слышала эти два слова? Десятки? Сотни? Они давно выросли в память, как фоновый шум, как скрип половиц в старом доме — раздражающий ровно настолько, что однажды перестаёшь различать, где звук снаружи, а где он уже у тебя в голове.

— Может, ты всё-таки начнёшь хоть что-то делать? — спросила я, глядя на неё устало, без крика, и от этого, наверное, ещё жёстче. — Мы ведь об этом говорили. Не один раз. Договаривались. Ты кивала, соглашалась, обещала. Не помнишь?

Я скрестила руки на груди. Кухня пахла мокрым воздухом из подъезда, остывающим чаем и её сладким дешёвым парфюмом, который всегда оставлял после себя ощущение липкости, будто кто-то провёл по коже грязными пальцами. Алин стояла в дверях прихожей, растрёпанная, с потёкшей тушью у внешних уголков глаз, с поблёскивающими от влаги волосами, и всё равно умудрялась выглядеть не виноватой, а раздражённой тем, что её вообще заставили слушать.

В ответ она только цокнула языком и закатила глаза.

Этот звук почему-то ударил сильнее, чем мог бы ударить крик.

— Боже, как ты меня достала уже со своим вечным тыканьем, — бросила она и, не глядя на меня, швырнула куртку на диван. — Серьёзно, Кира, ты не можешь просто отстать?

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.